

О. Г. Парамонов

Военно-техническое сотрудничество Японии с иностранными государствами и интересы России

Олег Геннадьевич Парамонов, канд. ист. наук,
ст. науч. сотр. Центра исследований Восточной Азии и ШОС
Института международных исследований МГИМО МИД России.
119454, Москва, просп. Вернадского, 76. E-mail: paramonov_og@rambler.ru

***Аннотация.** В настоящее время военно-техническое сотрудничество рассматривается многими государствами в качестве одного из эффективных инструментов обеспечения национальной безопасности, а также решения более широкого круга внешнеполитических задач. В условиях серьёзного ухудшения региональной среды безопасности правительство Японии также пришло к выводу о том, что дальнейший отказ от участия в международной кооперации в сфере разработки и производства вооружений начинает негативно сказываться на собственных оборонных возможностях. Вместе с тем планы правительства Синдзо Абэ положить конец самоизоляции Японии от внешних рынков вооружений и укрепить таким образом отношения с США в военно-политической сфере, скорее всего, приведут к возникновению определённых проблем в отношениях Японии с такими влиятельными региональными акторами, как Россия и КНР.*

***Ключевые слова.** Экспорт продукции военного назначения, доктрина Абэ, противоракетная оборона, экспортный контроль, союз безопасности США и Японии, проактивный пацифизм, новые три принципа, третья стратегия компенсации.*

Оборонно-промышленный комплекс (ОПК) Японии практически полностью обеспечивает потребности Сил самообороны Японии в вооружениях и военной технике. Помимо производства по американским лицензиям, он самостоятельно осуществляет разработку и производство продукции военного назначения (далее — ПВН), технический уровень которой сопоставим с лучшими зарубежными образцами. Вместе с тем на протяжении значительного времени страны, участвующие в экспорте вооружений, не рассматривали Японию в качестве своего конкурента из-за существовавшего в Токио консенсуса между политиками и представителями бизнеса о целесообразности полного отказа от военного экспорта с целью обеспечения мирного развития страны. В настоящее время в японском ОПК имеют место негативные, в том числе, и с точки зрения обороноспособности страны тенденции, связанные с его функционированием вне конкурентной среды и получившие неофициальное наименование «Галапагосский синдром» [7].

Возникшая в Японии во время холодной войны система полного запрета экспорта вооружения и участия в его совместном производстве, известная как «Три принципа военного экспорта», стала постепенно смягчаться из-за участия Токио в американских планах по созданию системы противоракетной обороны (ПРО). Первые исключения из правил, сделанные Токио в интересах Вашингтона, стремящегося разделить со своим союзником финансовые и технологические издержки, имели несистемный, а в ряде случаев и «косметический» характер. Далее, начиная с 2010 г., мощным источником давления на правительство Японии по вопросу экспортного контроля становятся интересы её промышленных корпораций, не желавших в обстановке общей стагнации национальной экономики довольствоваться ролью поставщиков второстепенных компонентов для перспективных противоракет. В японском ОПК, вынужденном балансировать в условиях сокращения военных расходов и невозможности выхода на внешние рынки вооружений, увидели в японо-американском сотрудничестве в сфере ПРО окно возможностей для дальнейшего пересмотра системы экспортного контроля [10].

Вместе с тем Япония не предпринимала политических шагов по пересмотру «Трёх прин-

ципов запрета военного экспорта» до повторного избрания С. Абэ на пост главы правительства в декабре 2012 г. Правительство и Совет национальной безопасности Японии 17 декабря 2013 г. утвердили Стратегию национальной безопасности Японии¹, заменившую «Основной курс в области обороны», принятый ещё в 1957 г. В новом документе было объявлено о необходимости разработки новой политики экспортного контроля, основанной на том, что международное сотрудничество в области безопасности является ключевым элементом внешнеполитической доктрины С. Абэ, известной так же, как «проактивный пацифизм» (Proactive Contribution to Peace). 17 декабря 2013 г. японским правительством также были одобрены новые «Основные направления программы национальной обороны»², в которых была провозглашена необходимость смягчения принципов запрета на экспорт вооружения в соответствии с национальными интересами. Прежде всего, это связано с обязательствами Токио в рамках военно-политического союза с США. Отказа от запрета на экспорт вооружений требовала от Японии и задача расширения её вклада в миротворческие операции под эгидой ООН [11, с. 61].

Резонансным примером обновлённого подхода правительства к вопросам экспорта является участие страны в разработке высокотехнологического оружия в рамках союзнических обязательств с США. В марте 2013 г. правительство Японии разрешило экспорт производимых в Японии компонентов истребителя F-35. В консорциуме по разработке и производству этого самолёта участвуют несколько государств, включая Израиль и Турцию, что повышает вероятность его использования в боевых действиях. Помимо стратегических соображений, связанных с укреплением союза с западными странами, важным мотивом Токио в этом случае явилось стремление оказать поддержку национальному ОПК, подключив его к разработке новейших военных технологий. Немаловажным представляется и региональный аспект — решение о полноценном участии в разработке F-35 совпало по времени с провозглашением кабинетом С. Абэ «доктрины поддержания военного потенциала для нападения на вражеские базы», связанной с успехами ракетно-ядерной программы Пхеньяна [12, с. 26–27; 13, с. 40].

Планы С. Абэ разрешить трансфер некоторых категорий ПВН в значительной степени были обусловлены и изменениями региональной среды безопасности по причине усиления военно-морской мощи Китая. В Токио, возможно, полагают, что повышение собственного оборонного потенциала под политическим «прикрытием» взаимодействия с США может снизить заинтересованность Пекина в региональной гонке вооружений, обеспечив поддержание достаточного уровня военного превосходства союзников. Кроме того, С. Абэ стремится диверсифицировать политику Японии в области безопасности, используя военно-техническое сотрудничество (ВТС) для выстраивания и укрепления связей в оборонной сфере не только с региональными акторами и примыкающими к региону государствами, например Австралией, Индией, но и с европейскими странами — в первую очередь с Великобританией и Францией. Необходимо отметить, однако, что более тесное сотрудничество США и Японии в оборонной сфере даже при отсутствии значимых результатов может привести к определённым проблемам в отношениях Японии с соседними государствами, внимательно наблюдающими за изменениями её оборонной политики и нежелающими обострять отношения с КНР. Выход Токио на внешние рынки вооружений может быть ими воспринят как политический вызов Пекину [6].

1 апреля 2014 г. правительство и Совет национальной безопасности Японии одобрили «Три принципа трансфера продукции военного назначения»³ (далее — новые три принципа трансфера ПВН), Совет национальной безопасности одобрил Руководящие принципы по их применению⁴. Новые правила экспортного контроля разрешают японским компаниям осуществлять поставки ПВН союзникам Токио или дружественным государствам. Также упростился порядок участия японских производителей в международных проектах, связанных с разработкой и производством вооружений. В соответствии с новыми тремя принципами трансфера ПВН:

- 1) Запрещается экспорт ПВН, если при этом нарушаются международные соглашения, в которых участвует Япония, а также её поставки в страны, не выполняющие

¹ Коккаандзэн хосё сэнряку-ни цуйтэ (Стратегия национальной безопасности). 17.12.2013. URL: http://www.kantei.go.jp/jp/kakugikettei/2013/___icsFiles/afieldfile/2013/12/17/20131217-1_1.pdf

² *National Defense Program Guidelines for FY 2014 and beyond*. 17.12.2013 (Provisional Translation) // Japan Ministry of Defense. URL: http://www.mod.go.jp/j/approach/agenda/guideline/2014/pdf/20131217_e2.pdf

³ Бозэйсобиитэн сангэнсоку (Три принципа трансфера продукции военного назначения). 01.04.2014. URL: http://www.kantei.go.jp/jp/kakugikettei/2014/___icsFiles/afieldfile/2014/04/01/20140401-1.pdf

⁴ *Implementation guidelines for the three principles on Transfer on Defense Equipment and Technology* (Provisional Translation) // Ministry of Foreign Affairs of Japan. 01.04.2014. URL: http://www.mofa.go.jp/press/release/press22e_000010.html

- резолуции Совета Безопасности ООН, находящиеся под его санкциями, являющиеся сторонами международных конфликтов;
- 2) Участие Японии в ВТС должно способствовать повышению её вклада в обеспечение международного мира, а также укреплению собственной обороноспособности за счёт осуществления совместных с США и другими партнерами Японии разработок и производства ПВН, расширения сотрудничества с ними по вопросам безопасности, поддержания высокого технического уровня Сил самообороны;
  - 3) Осуществляется надежный контроль за использованием иностранными государствами полученной от Японии ПВН в целях, соответствующих первоначально заявленным, не допускается её трансфер в третьи страны без согласия японского правительства.

К государственным органам, участвующим в осуществлении военного экспорта, отнесены минобороны (МО) и МИД Японии. Однако, наибольшими полномочиями в данной сфере наделяется министерство экономики, торговли и промышленности Японии (Ministry of Economy, Trade, and Industry, METI), что свидетельствует о большей централизации японской системы экспортного контроля по сравнению, например, с американской. В особых случаях для осуществления военных поставок требуется одобрение Совета национальной безопасности.

Дополнительное внимание к вопросам эффективности новой японской системы экспортного контроля привлекают имевшие место с середины 2013 г. поставки «гуманитарной помощи» сирийской оппозиции. Поставлявшиеся при этом грузовики «Тоёта» использовались в боевых действиях, то есть, согласно интерпретации японского правительства, «не по назначению». Частные компании Японии на протяжении десятилетий находили способы обхода действующих до 1 апреля 2014 г. «Трёх принципов военного экспорта», поставляя за рубеж компоненты вооружений либо продукцию двойного назначения [13, с. 39].

В июне 2014 г. Министерство обороны Японии опубликовало «Стратегию развития оборонного производства и его технологических основ» (Strategy on Defense Production and Technological Bases)⁵. Из документа следует, что оборонное ведомство также рассчитывает играть значительную роль в осуществлении ВТС Японии с иностранными государствами, как с точки зрения интересов укрепления общей обороноспособности страны, так и с учётом развития национального ОПК. В 2015 г. при оборонном ведомстве было образовано «Агентство по закупкам, технологиям и логистике» (Acquisition, Technology and Logistics Agency, ATLA), отвечающее за общую политику в сфере закупок и экспорта ПВН, организацию научных исследований в интересах ОПК, информационную безопасность в сфере ВТС и т. д. [6].

В дополнение к общему обзору тенденций в эволюции подходов Токио к экспорту ПВН, необходимо рассмотреть более глубоко ВТС Японии и США как важный фактор, влияющий на интересы России и КНР в области безопасности.

Японо-американское ВТС и глобальная ПРО США

Японо-американское взаимодействие в сфере ПРО, одним из ключевых направлений которого является ВТС, всё более заметно начинает выполнять функцию «скрепы» японо-американского союза безопасности. Подобная тенденция впервые проявилась во время возникшего в 2009 г. серьёзного кризиса в японо-американских отношениях из-за намерения правительства Хатоямы Юкио пересмотреть в невыгодную для Вашингтона сторону подписанные в 2006 и 2009 гг. соглашения об оптимизации структуры американского военного присутствия в Японии. В обстановке, когда стал актуальным вопрос сохранения японо-американского Союза безопасности, чиновники из МО и МИДа Японии смогли защитить сотрудничество с США в сфере ПРО от критически настроенной в его отношении части японской политической элиты. К настоящему времени взаимозависимость двух государств в вопросах ПРО достигла уровня, при котором возможные опасения относительно пересмотра Вашингтоном целесообразности сохранения военно-политического альянса утрачивают реальную основу.

С 2008 г. Япония участвует в совместной с США разработке новой модификации противоракеты Standard Missile-3 (SM-3 Cooperative Development Project), получившей название SM-3 Block IIA и предназначенной для перехвата баллистических ракет. Японская сторона от-

⁵ Strategy on Defense Production and Technological Bases Toward strengthening the bases to support defense forces and 'Proactive Contribution to Peace'. June, 2014 // Ministry of Defense, Japan. URL: <http://www.mod.go.jp/atla/soubiseisaku/soubiseisakuseisan/2606honbuneigo.pdf>

вечает за тепловую защиту инфракрасного сенсора, двигатели второй и третьей ступени, элементы управления.

Сотрудничество по SM-3 Block IIА проходило без особых разногласий, пока Вашингтон не уведомил Токио о возможности её поставок в третьи страны, например в Катар. Японская сторона заявила, что подобные планы нарушают «Три принципа военного экспорта», упомянутые в начале данной статьи. В середине 2011 г., несмотря на возражении значительной части Демократической партии Японии, контролировавшей правительство, и в условиях давления со стороны Вашингтона, кабинет Ноды Ёсихико разрешил в порядке исключения передачу дружественным странам совместно разработанных компонентов SM-3 Block IIА. Далее, в конце 2011 г., после допуска авиастроительного подразделения компании ShinMaiwa Industries к участию в тендере на поставку поисково-спасательных самолётов-амфибий для ВМС Индии, правительство утвердило «Порядок передачи иностранным государствам изделий военного назначения»⁶, предусматривающий возможность подобных поставок другим странам для осуществления международного сотрудничества и укрепления мира, а также с целью обеспечения безопасности Японии. В июле 2012 г. Комитет оборонной промышленности при Кэйданрэн и Аэрокосмический и оборонный комитет при Торговой палате США в Японии опубликовали «Совместное заявление о военно-техническом сотрудничестве между Японией и США»⁷, в котором были определены форматы участия в военной кооперации (разработка и производство вооружений на основе межгосударственных соглашений, предварительные исследования в сфере передовых технологий, совместные разработка и производство с целью поддержки зарубежных правительственных программ, поставка произведённой по лицензии продукции в интересах выдавшей лицензию компании).

Состоявшиеся в декабре 2015 г. и феврале 2017 г. успешные испытания противоракеты SM-3 Block IIА продемонстрировали, по мнению представителей экспертного сообщества, серьёзный рост противоракетных возможностей США и явились первым значимым результатом ВТС между Вашингтоном и Токио [5]. Принятие SM-3 Block IIА на вооружение запланировано на 2018 г., помимо эсминцев, оснащённых системой Aegis BMD 5.1, новая противоракета также будет использоваться в наземных системах ПРО Aegis Ashore, размещаемых Пентагоном на территории Восточной Европы в рамках 2-го этапа «Европейской поэтапной адаптивной программы» (European Phased Adaptive Approach, ЕРАА). В мае 2016 г. была подтверждена оперативная готовность комплекса Aegis Ashore в Румынии (в настоящее время вооружён противоракетами SM-3 Block IB) и было объявлено о начале строительства аналогичного комплекса ПРО в Польше.

В ходе состоявшейся в апреле 2017 г. VI Московской конференции по международной безопасности MCIS-2017 первый заместитель начальника главного оперативного управления Генштаба России генерал-лейтенант В. Познихир отметил следующее: «Средства системы противоракетной обороны США уже сегодня обладают потенциалом перехвата российских и китайских баллистических ракет и представляют угрозу стратегическим ядерным силам России и Китая. В дальнейшем эти возможности будут возрастать». Упомянутое представителем российского военного руководства дальнейшее возрастание возможностей американской ПРО обусловлено, в том числе, оснащением Aegis Ashore противоракетами SM-3 Block IIА [8].

Российский военный эксперт В. Мураховский полагает, что в нынешнем виде размещаемые в Восточной Европе Aegis Ashore угрозы для российских Ракетных войск стратегического назначения практически не представляют, но после замены противоракет Block IB на Block IIА они уже смогут представлять потенциальную угрозу для расположенных в европейской части соединений РВСН, вооружённых ракетными комплексами предыдущего поколения. «Но вместе с тем для современных и тем более перспективных российских ракетных комплексов система Aegis, в том числе Aegis Ashore, угрозы, по сути, представлять не будет», — полагает В. Мураховский. Эксперт пояснил, что новые российские ракеты могут летать не по энергетически выгодным траекториям, а по заданным, и в таком случае перехваты практически невозможны⁸.

⁶ Statement by the Chief Cabinet Secretary on Guidelines for Overseas Transfer of Defense Equipment etc. (Provisional translation). December 27, 2011. URL: http://www.kantei.go.jp/foreign/others/201112/___icsFiles/afiedfile/2012/01/31/20111227DANWA_e.pdf

⁷ Joint Statement on Defense Production Cooperation between Japan and the United States, Defense Production Committee, Keidanren, Aerospace and Defense Committee, American Chamber of Commerce in Japan // Keidanren Japan Business Federation, 17.07.2012. URL: <https://www.keidanren.or.jp/en/policy/2012/059.html>

⁸ Система ПРО США приближается к России // Взгляд. 12.05.2016. URL: <https://www.vz.ru/politics/2016/5/12/810195.html>

Таким образом, Токио, начав в 1999 г. с осторожных шагов по участию в региональной ПРО ТВД, после выхода США в 2001 г. из договора по ПРО оказался вовлечённым в процесс создания глобальной архитектуры ПРО, предназначение которой выходит за рамки национальных интересов Японии. При этом затрагивается крайне чувствительная для Российской Федерации проблематика, связанная с ЕвроПРО. В результате активного участия в разработке SM-3 Block IIА Японию уже начинают рассматривать как страну, занимающую одну из ведущих позиций в мире по противоракетным возможностям. Несмотря на сохранение неядерного статуса, Токио, в том числе и благодаря ВТС с Вашингтоном, начинает вносить свой вклад в реализацию американских планов, способных привести к «слому» ракетно-ядерного паритета между Москвой и Вашингтоном. Кроме того, благодаря американской ПРО интеграция военных возможностей США и их региональных союзников (Японии, РК, в перспективе – Австралии) выходит на принципиально новый уровень, называемый «интероперабельность» (interoperability), что во многом способствует сохранению блоковой архитектуры безопасности в АТР.

В этой связи представляется целесообразным привести несколько цитат из выступления министра иностранных дел Российской Федерации С. Лаврова в Токио по результатам состоявшихся в марте 2017 г. российско-японских консультаций в формате «два плюс два». Глава МИД России отметил следующее: «Мы подробно рассказали о тех позициях, которые РФ продвигает вместе с Китаем и другими государствами, входящими в механизм восточноазиатских саммитов, для обеспечения безопасности на внеблоковой основе, на основе принципа неделимости, безопасности, без вмешательства во внутренние дела и через многосторонние усилия. Обратили внимание на серьезные риски, которыми чревато развертывание в Азиатско-Тихоокеанском регионе элементов глобальной системы противоракетной обороны Соединенных Штатов. Изложили наши оценки, которые показывают, что если речь идет об угрозах, исходящих от КНДР, то создание подобной системы ПРО, равно как и накачивание вооружений в этом регионе, являются ответом совсем не пропорциональным». По словам С. Лаврова, главное внимание в дискуссии четырех министров было уделено проблемам безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе. «Мы выразили наши озабоченности в связи с сохранением тенденции к блоковым подходам к этому важнейшему вопросу, когда для успешного противодействия современным вызовам и угрозам необходимы только коллективные меры», – подчеркнул министр⁹.

Анализируя приведённые выше факты, определяющие современное состояние ВТС Японии и США, можно считать его в целом успешным. Новая система экспортного контроля Японии представляет значительный интерес для США и по направлениям вне противоракетной тематики. Некоторые японские технологии, которые не входят в традиционный оборонный сектор, могут быть востребованы в ходе реализации принятой в конце 2015 г. американской третьей стратегии компенсации (СК-3), нацеленной на обеспечение в XXI веке технологического превосходства США в военной сфере за счёт обесценивания новых возможностей России и КНР [9]. Для этого предполагается разработка новых видов вооружений – высокоэнергетических лазеров, гиперзвуковых ракет, электромагнитных пушек, а также интегрированных систем, созданных на основе искусственного интеллекта и использования «больших данных». Привлечение научно-технологического потенциала Японии может заметно снизить расходы США на реализацию СК-3. К числу японских «ноу-хау», которые могут представлять интерес для Вашингтона, можно отнести сверхмощные лазеры, высокочувствительные сенсоры, робототехнику, композитные материалы [2]. Ещё в 1980-х гг. Токио принимал активное участие в известной «стратегической оборонной инициативе» администрации Рональда Рейгана, при этом известно, что вклад японских компонентов в эту программу, и прежде всего компонентной базы спутникового оружия, полупроводников, лазерного оружия был неопределимым [11, с. 61].

Вышеперечисленные факты углубляющегося сотрудничества США и Японии в военно-политической и военно-технической сферах не остаются без внимания первых лиц двух других геополитических акторов, имеющих в АТР жизненно важные и во многом совпадающие интересы – РФ и КНР. В совместном заявлении Президента Российской Федерации В. Путина и Председателя Китайской Народной Республики Си Цзиньпина об укреплении глобальной стратегической стабильности, сделанном 25 июня 2016 г. в Пекине, было указано следующее: «Особую обеспокоенность вызывает развитие ситуации в области ПРО. Деструктивные шаги по одностороннему развитию средств стратегической ПРО и их развертыванию в различных

⁹ Лавров: переговоры глав МИД и Минобороны РФ и Японии были содержательными // ТАСС. 20.03.2017. URL: <http://www.tass.ru/politika/4108787><http://tass.ru/politika/4108787>

регионах мира неблагоприятно сказываются на международном и региональном стратегическом балансе, безопасности и стабильности, а также подрывают основу для выработки и использования многосторонних политико-дипломатических методов противодействия распространению ракет и ракетных технологий.

Обращает на себя внимание, что действия внерегиональных сил, размещающих в Европе системы Aegis Ashore и развернувших в АТР или намеревающихся дислоцировать в Северо-Восточной Азии системы ТНААД, зачастую осуществляются под надуманными предлогами, имеющими мало общего с реальными вызовами и угрозами в сфере ракетного распространения, явно не соответствуют заявленным целям, а также нанесут серьезный ущерб интересам стратегической безопасности государств региона, включая Россию и Китай. Обе наших страны решительно выступают против этого»¹⁰.

С точки зрения оценок экспортных перспектив японского ОПК и возможности его конкуренции с другими крупными экспортёрами ПВН, в том числе с Россией, также представляют значительный интерес уже имевшие место попытки самостоятельного выхода Токио на внешние рынки ПВН третьих стран с такими высокотехнологичными видами военной продукции, как самолёты и подводные лодки.

Самостоятельные шаги Японии на внешних рынках ПВН

Среди продукции японского авиапрома хорошие экспортные перспективы имеет самолёт-амфибия ShinMaiwa US-2, являющийся единственным в мире гидросамолётом, способным осуществлять взлёт и посадку при волнении моря в пять баллов. Данная модель может быть использована для решения широкого круга задач, например патрулирования и спасательных операций. При этом US-2 не оснащён вооружением, что также является определённым преимуществом в случае его экспорта, поскольку политические риски, связанные с реакцией общественного мнения как внутри Японии, так и за её пределами, в этом случае не столь высоки. Экспорт US-2 означал бы выход на мировой рынок третьего производителя «больших» гидросамолётов после российского ОАО «ТАНТК имени Г.М. Бериева» и канадской компании Bombardier Aerospace, и поэтому ситуация вокруг ведущихся с 2011 г. переговоров о продаже US-2 в Индию представляет интерес и в связи с тем, что здесь впервые имел место случай конкуренции ПВН японского и российского производства, к тому же на рынке одного из традиционных партнёров Российской Федерации в сфере ВТС.

Япония озвучила планы участвовать в индийском тендере в октябре 2011 г. в ходе визита министра обороны Индии Аракапарамбила Куриана Энтони в Токио. С появлением US-2 в тендере авиации ВМС Индии на поставку поисково-спасательных гидросамолётов, объявленном в конце 2010 г., в котором также участвовали российский Бе-200, канадский Bombardier 415 и американский проект Sea Star, его результат был практически предопределён¹¹. В пользу US-2 сыграли не только хорошие взлетно-посадочные характеристики, но и политический аспект — заинтересованность Дели в развитии военно-политических связей с Токио в качестве противовеса растущим военным возможностям Пекина. По мнению индийского военного эксперта Абхиджита Сингха (Abhijit Singh), Токио и Дели, заключив сделку по US-2, могли бы послать эффективный сигнал Пекину. Подобное послание, учитывая предназначение самолёта, не выглядело бы и слишком вызывающим¹².

В январе 2014 г. Онодера Ицунори, занимавший пост главы оборонного ведомства Японии, в ходе своего визита в Дели достиг с А. К. Энтони предварительной договорённости о поставке в Индию 12 японских самолётов-амфибий и об участии индийской стороны в разработке версии US-2i под её требования. В совместном заявлении премьер-министра Японии С. Абэ и премьер-министра Индии Нарендры Моди, опубликованном в декабре 2015 г., было подтверждено намерение правительств этих стран способствовать углублению сотрудничества в оборонной сфере, «включая технологическую кооперацию, совместные разработки и производство».

¹⁰ Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики, 25 июня 2016 г. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5098>

¹¹ Япония смягчила запрет на экспорт военной продукции, 27.12.2011. URL: <http://www.lenta.ru/news/2011/12/27/relax/>; Япония предложила Индии самолёты-амфибии. 17.11.2011. URL: <http://www.lenta.ru/news/2011/11/17/amphib/>

¹² US-2i: India's plan to buy these Japanese planes that can land on water sends a message to China // The Indian Express. 07.11.2016. URL: <http://www.financialexpress.com/india-news/us-2i-amphibian-plane-japan-india-defence-deal-indian-navy-indian-ocean-region-china/440128/>

US-2 был отдельно упомянут в качестве перспективного варианта подобного сотрудничества¹³. Согласно источникам в Дели, контракт на 1,65 млрд долл. о поставке двух готовых самолётов и сборке ещё десяти в Индии был готов к подписанию в первом квартале 2016 г. [1].

После состоявшегося 4 марта 2016 г. саммита глав внешнеполитических ведомств Японии, Индии и Австралии в индийских СМИ появилась информация о том, что у Японии отсутствуют планы зарубежных поставок US-2 в ближайшей перспективе и что этот вопрос не обсуждался в ходе данной встречи. В МИД Индии отказались от комментариев¹⁴, но близкие к оборонному ведомству этой страны источники предположили, что возникшие трудности связаны с введением индийским правительством новой системы военных закупок: представители японской стороны, не имеющие никакого опыта экспорта ПВН, слабо ориентируются в «лабиринте» правил и ограничений военной бюрократии структур Дели. В экспертном сообществе Индии также полагают, что проблемы могут быть вызваны изменением позиции Токио относительно передачи индийским партнёрам современных технологий, связанных с воздушным патрулированием, поскольку подобные действия могут быть расценены как трансфер вооружений, что приведет к изменению характера сделки, которая первоначально была заявлена перед общественным мнением Японии как имеющая отношение к операциям по поиску и спасению. Индийская сторона, в свою очередь, настаивала на том, что с учётом высокой стоимости самолёта (115 млн долл.) он должен быть оснащён современным оборудованием, делающим его пригодным для решения широкого круга задач, включая военное патрулирование. Кроме того, Дели предложил увеличить долю участия национального ОПК в данном проекте¹⁵.

Далее, в совместном заявлении от 14 июля 2016 г. об итогах встречи Накатани Гэн, сменившего к тому времени И. Онодэру на посту главы МО Японии, и нового руководителя военного ведомства Индии Манохара Паррикара были отмечены усилия обеих стран, направленные на сотрудничество по гидросамолёту US-2, вместе с тем, предложения по дальнейшим шагам в данном направлении отсутствовали¹⁶.

Кроме гидросамолёта US-2, японский ОПК производит широкий спектр ПВН, которая может представлять интерес для потенциальных покупателей: основной танк Т-90 (Mitsubishi Heavy Industries -МНИ), вертолёт ОН-1 (Kawasaki Aerospace), бронетранспортёр LAV (Komatsu), патрульные катера класса Hayabusa (МНИ, Simonoseki), эсминцы-вертолётноносцы класса Идзумо (Japan Marine Ltd.). Вместе с тем отдельного рассмотрения с точки зрения экспортных перспектив заслуживает подлодка типа Сорю (МНИ, Kawasaki Shipbuilding), которая, по мнению большого числа специалистов, входит, наряду с российской подлодкой проекта 636 «Варшавянка», в число лучших неатомных субмарин в мире. Основным преимуществом Сорю является большая продолжительность пребывания под водой благодаря воздухонезависимому двигателю, созданному на основе шведских технологий. В её конструкции используется, наряду с американским оборудованием, большое количество компонентов и передовых технических решений японских разработчиков, например компании Сони. В составе морских Сил самообороны уже имеется несколько подлодок данного типа.

В июле 2014 г., в ходе состоявшейся в рамках политического турне С. Абэ по странам Океании встречи с премьер-министром Австралии Тони Эбботом стало известно о намерении Канберры вооружить свои ВМС подлодками Сорю для замены недостаточно эффективных подлодок собственной разработки типа Collins [3], после чего правительство Т. Эббота подверглось серьёзной критике со стороны собственного ОПК за безальтернативное рассмотрение японского проекта и было вынуждено обсуждать варианты участия австралийских предприятий в строительстве подлодок японской конструкции¹⁷. Был объявлен тендер и рассматривались предложения кораблестроителей ФРГ, Франции, Швеции и др. стран. Японская сторона при этом попыталась

¹³ Japan and India Vision 2025 Special Strategic and Global Partnership. Working Together for Peace and Prosperity of the Indo-Pacific Region and the World // Ministry of Foreign Affairs of Japan. 12.12.2015. URL: http://www.mofa.go.jp/s_sa/sw/in/page3e_000432.html

¹⁴ Japan non-committal on supply of strategic amphibious aircraft to India // The Hindu. 28.02.2016. URL: <http://www.thehindu.com/news/national/japan-noncommittal-on-supply-of-strategic-amphibious-aircraft-to-india/article8290054.ece>

¹⁵ The \$1.3-Billion Defence Deal That India and Japan Don't Want to Admit is Struggling. // The Wire. 20.07.2016. URL: <http://www.thewire.in/52793/the-1-3-billion-defence-deal-that-india-and-japan-dont-want-to-admit-is-struggling/>

¹⁶ Joint Statement after the meeting Between Raksha Mantri and Japanese Defence Minister in New Delhi, 14–July–2016. URL: <http://www.pib.nic.in/newsite/PrintRelease.aspx?relid=147097>

¹⁷ Mizokami K. Japan's Emerging Defense Export Industry. 23.02.2015. URL: <http://www.news.usni.org/2015/02/23/japans-emerging-defense-export-industry>

оказать определённое давление на своего партнёра, намекая на возможность отказа от участия в конкурсе.

В период парламентских выборов в Австралии, приведших к избранию в сентябре 2015 г. на пост главы правительства Малкольма Тёрнбулла, известного более сдержанным отношением к сотрудничеству с Токио, в Австралии проходила организованная профсоюзами кампания против закупок субмарин в Японии. Варианты участия австралийских корабелов в постройке субмарин оппозицию не устраивали из-за низкой степени локализации¹⁸. Кроме того, Сорю начали критиковать за недостаточно мощное вооружение и значительно более высокую стоимость по сравнению с конкурентами, например предложениями HDW (ФРГ), SAAB (Швеция).

К преимуществам японского предложения специалисты относили получение австралийскими военными доступа к передовым японским технологиям, а также возможность их работы с установленным на Сорю современным американским оборудованием. Ещё одним плюсом могла считаться более высокая оперативно-тактическая совместимость Сорю с подлодками ВМС США. Австралия постепенно осуществляет интеграцию своих подводных сил с военными флотами США и Японии, рассчитывая при этом получить стратегическое преимущество перед КНР, быстро превращающейся в одну из мощнейших морских держав.

Вместе с тем часть вышеуказанных преимуществ утратила свою актуальность после того, как представители морских Сил самообороны Японии потребовали от МНИ ограничить передачу австралийским партнёрам чувствительных технологий. Тем не менее зарубежные эксперты продолжали рассматривать Японию как безусловного фаворита [2]. Объявленное в апреле 2016 г. решение Канберры о закупке субмарин у французской компании DCNS оказалось неприятным сюрпризом для японского правительства. Г. Накатани заявил следующее: «Я хочу получить объяснения, почему выбрали не нас, и сделаю соответствующие выводы», уточнив, что Токио продолжает рассматривать Канберру в качестве одного из ключевых партнёров в сфере безопасности¹⁹. В экспертном сообществе Австралии предположили, что Япония сможет рассчитывать на другие, не столь крупные военные контракты, например, по сонарным системам, в сфере ПРО и кибербезопасности²⁰. В СМИ появились предположения о том, что выбор не в пользу Японии во многом был сделан австралийцами под давлением со стороны Пекина, являющегося важнейшим торговым партнером Канберры в ряде стратегических секторов экономики и не желающего пассивно наблюдать за укреплением её отношений с Токио в сфере безопасности²¹. Кроме того, отмечалась крайне слабая маркетинговая стратегия МНИ, рассчитывавшей на активную поддержку японского правительства, которая в итоге оказалась недостаточной. Впрочем, критика действий правительства С. Абэ в данном вопросе не вполне объективна, поскольку речь идёт о первой серьёзной заявке Японии на мировом рынке ПВН, при которой потребовалось согласование позиций большого числа производителей сложных и дорогостоящих компонентов и учет политических интересов заинтересованных сторон.

Подлодками класса Сорю также заинтересовались ВМС Индии, которые планируют потратить 8,1 млрд долл. на шесть новых дизельных субмарин. Ключевым условием предложения Дели является их строительство на индийских верфях. В марте 2013 г. министр обороны Индии М. Паррикар предложил своему японскому коллеге Г. Накатани во время встречи в Токио, чтобы Сорю участвовала в индийском тендере, но получил уклончивый ответ, что если и связано с отсутствием прогресса на переговорах по US-2, то лишь отчасти. Субарины класса Сорю имеют не слишком хорошие перспективы продаж в страны, находящиеся на сопоставимом с Индией уровне технологической культуры, который, безусловно, весьма высок, но всё же недостаточен для их постройки на собственных верфях и последующего обслуживания. Кроме того, возможность и Сорю по автономности превосходят потребности большинства военных флотов, действующих в акватории Индийского океана, слишком большое водоизмещение (свыше 4 000 тонн) в этом случае также может рассматриваться скорее как недостаток. Сдержанность Японии здесь является вполне обоснованной, поскольку для её репутации как

¹⁸ Submarine project no solution for South Australia's employment crisis. 14.05.2016. URL: <https://www.wsws.org/en/articles/2016/05/14/subs-m14.html>

¹⁹ Japan wants explanation on failed submarine bid, Abbott confident partnership will stay strong. 26.04.2016. URL: <http://www.abc.net.au/news/2016-04-26/japan-demands-explanation-on-failed-submarine-bid/7359706>

²⁰ Japan Consortium Misses Out on \$38.5 Billion Australian Submarine Deal. 26.04.2016. URL: https://www.nytimes.com/2016/04/27/business/international/australia-submarine-deal-japan-france.html?_r=1

²¹ Can Japan's defense firms bounce back from failed Australia sub bid? // Deutsche Welle. 02.05.2016. URL: <http://www.dw.com/en/can-japans-firms-bounce-back-from-failed-australia-sub-bid/a-19229228>

производителя ПВН не пошло бы на пользу ещё одно фиаско в «копилке» несостоявшихся сделок²².

Недостаточное понимание того, как функционируют внешние рынки вооружений, может превратиться в серьёзное препятствие для реализации намерений С. Абэ по развитию ВТС с Индией и Австралией. Кроме того, несостоявшиеся контракты могут нанести ущерб и его более широким планам по диверсификации политики Японии в области безопасности, в основе которых находится идея трёхстороннего альянса с участием вышеупомянутых стран [2]. ВТС Японии и США, напротив, продвигается весьма успешно, благодаря чему у Вашингтона и Токио появляются возможности для формирования новой повестки дня Союза безопасности, уже отметившего полувековой «юбилей».

27 апреля 2015 г. в первый день американского турне премьер-министра Японии С. Абэ, во время состоявшейся в Вашингтоне встречи «два плюс два», прошло утверждение новых Руководящих принципов японо-американского сотрудничества в оборонной сфере²³, определяющих порядок взаимодействия американских войск и Сил самообороны в мирное и военное время, а также общие рамки оборонного сотрудничества между США и Японией.

Принципиально новыми направлениями подобного сотрудничества, не упомянутыми в предыдущей версии Руководящих принципов от 1997 г., являются совместные разработка и производство ПВН, повышение функциональной совместимости военных структур, обеспечение кибербезопасности, совместная ПРО, использование космического пространства в военных целях. Силы самообороны теперь смогут защищать американские военные корабли и самолёты, оказывать американским войскам логистическую поддержку небоевого характера. Впервые в истории японо-американского союза безопасности создаётся постоянно действующий координирующий орган (Alliance Coordination Mechanism) с участием представителей всех заинтересованных ведомств. Одной из его задач является оперативное реагирование альянса на сценарии серой зоны безопасности, имеющиеся, например, в отношениях Токио и Пекина. Японская сторона, очевидно, рассчитывает, что теперь США не смогут ограничиться формальной поддержки её действий в случае повторения кризиса вокруг островов Сэнкаку. Наличие данной координирующей структуры также может способствовать более эффективному функционированию альянса и в других ситуациях, не соответствующих чёткому определению мирного или военного времени, имевших место, например, во время природно-техногенной катастрофы 11 марта 2011 г. в Японии. Вместе с тем расширение рамок военно-политического сотрудничества предоставляет США и Японии новые возможности, но также создаёт и новые риски [4].

В качестве комментария может представлять интерес мнение американского эксперта Артура Хермана (Arthur Herman), который полагает, что Япония стоит перед следующей дилеммой. Если её правительство не сможет выстроить сильную и эффективную стратегию в сфере экспорта ПВН, включающую промышленное и технологическое сотрудничество с США и другими партнёрами, то это может нести в себе ещё большие политические риски, чем успешность подобной стратегии. В случае фиаско Япония будет восприниматься другими региональными акторами как страна, окончательно утратившая способность самостоятельно реагировать на актуальные и возможные угрозы своей безопасности.

К препятствиям на путях выхода Японии на внешние рынки вооружений А. Херман относит следующие факторы. Японские компании имеют небольшую долю военных заказов в общем объёме производства, что способствует постепенному снижению у их руководства заинтересованности в развитии оборонного сектора. Например, у МНІ, крупнейшего японского производителя ПВН, они составляют лишь 5,6 %. В японском обществе сильно укоренились пацифистские взгляды, поэтому имидж «торговцев смертью» может нанести репутационный ущерб японскому бизнесу. Кроме того, японский ОПК долгое время существовал в весьма комфортных условиях, имея единственного заказчика в лице МО Японии, старавшегося не обострять конкуренцию и равномерно распределять оборонные заказы. Теперь японским компаниям приходится действовать на одном из самых сложных с точки зрения конкуренции международных рынков и иметь дело со множеством участников, обладающих уникальным опытом и возможностями, где многое зависит от выстраиваемых на протяжении долгих лет отноше-

²² Japan Unlikely to Join Indian Sub Tender // Defense News. 11.04.2015. URL: <http://www.defensenews.com/story/defense/naval/submarines/2015/04/11/india-japan-submarine-soryu-aip-conventional-technology-transfer/25454669/>

²³ The Guidelines for Japan-U.S. Defense Cooperation. 27.04. 2015. URL: <http://www.mofa.go.jp/files/000078188.pdf>

ний взаимного доверия и умения ориентироваться в непрозрачных бюрократических правилах своего партнёра. Кроме того, японская ПВН не прошла «боевую обкатку», что является её существенным минусом по сравнению, например, с техникой российского или американского производства [2].

* * *

Наблюдаемое в текущем десятилетии последовательное изменение взглядов и подходов правительства Японии к вопросам экспорта ПВН может свидетельствовать о постепенном сглаживании в японском обществе негативных последствий участия страны во Второй мировой войне.

Планы по экспорту гидросамолёта в Индию и подлодки в Австралию должны были стать для Японии чем-то большим, чем просто успешные сделки в сфере ВТС. Особенно большие надежды в Токио возлагали на сделку с Австралией, рассчитывая продемонстрировать японскому обществу и соседям Японии по региону эффективность политики С. Абэ по укреплению связей с дружественными государствами в оборонной сфере, а также наличие значительных преимуществ от подобной политики не только для безопасности Японии, но и для её экономики. Что касается возможности дальнейших переговоров с Дели по US-2, то пока сохраняется небольшая вероятность того, что сторонам удастся прийти к значимому результату. Впрочем, с учётом произошедших в 2014 г. изменений политики экспортного контроля Японии, а также времени, потраченного на переговоры, будет сложнее оценивать поставку за рубеж не имеющего вооружения поисково-спасательного гидросамолёта как событие «исторического» масштаба.

На фоне довольно успешного ВТС Японии и США отсутствие у Токио заметных успехов в ходе самостоятельных попыток выхода на внешние рынки вооружений, возможно, приведёт к следующим последствиям. Япония перестанет рассматривать своих «новых» союзников, прежде всего Австралию и Индию, в качестве перспективных точек опоры для своей политики в оборонной сфере. Сотрудничество с данными странами будет иметь более формальный характер. В ходе ВТС с Вашингтоном в сфере ПРО, а также в рамках СК-3, будет происходить более активный обмен чувствительными технологиями и информацией, что приведёт к сохранению довольно низкого уровня транспарентности японо-американского взаимодействия в военно-политической сфере в целом. У Японии возникнут более серьёзные обязательства в отношении США, а у американской стороны могут появиться новые политические инструменты для влияния на своего союзника. Кроме того, у Японии в результате ВТС с США появляется доступ к новым ракетным технологиям, которые могут быть востребованы в случае «ядерного выбора» Токио.

В этих условиях планы Токио по проведению более самостоятельной внешней политики и его надежды на осуществление более широкого диалога по вопросам безопасности, в том числе с Россией, уже будут иметь более низкие шансы на успех. Возможность участия российской стороны в реализации совместных с Японией проектов по разработке специального снаряжения, формально подпадающего под понятие ПВН, но не имеющего боевого функционала, например спасательной техники, оборудования для ликвидации последствий техногенных катастроф, в настоящее время является маловероятной из-за ориентации Японии в вопросах ВТС на страны НАТО и других союзников США. Вместе с тем поиски возможных точек соприкосновения между нашими странами в данном направлении всё же должны быть инициированы.

Литература / References

1. *Gady F.-S.* Is the Japan-India Military Aircraft Deal Dead? // The Diplomat. 05.03.2015. URL: <http://thediplomat.com/2016/03/is-the-japan-india-military-aircraft-deal-dead/>
2. *Herman A.* The Awakening Giant: Risks and Opportunities for Japan's New Defense Export Policy // Hudson Institute. December, 2016. URL: <https://www.hudson.org/research/13145-the-awakening-giant-risks-and-opportunities-for-japan-s-new-defense-export-policy#footNote42>
3. *Keck Z.* Australia and Japan to Ink Submarine Deal // The Diplomat. 08.07.2014. URL: <http://www.thediplomat.com/2014/07/australia-and-japan-to-ink-submarine-deal/>
4. *Rinehart I. E.* New U.S.-Japan Defense Guidelines Deepen Alliance Cooperation // Federation of American scientists. April, 2016. URL: <https://fas.org/sgp/crs/row/IN10265.pdf>
5. *Romero A.* The Standard for Missile Defense Cooperation // RealClear Defense. 07.02.2017. URL: http://www.realcleardefense.com/authors/abel_romero/

6. *Schoff J. L.* Navigating a New U.S.-Japan Defense Technology Frontier // Carnegie Endowment for International Peace. March, 2015. URL: <http://www.carnegieendowment.org/2015/03/10/navigating-new-u.s.-japan-defense-technology-frontier-pub-59301>
7. *Sugai H.* Japan's future defense equipment policy. Report // Center for 21st Century Security and Intelligence at Brookings. October, 2016. URL: <https://www.brookings.edu/research/japans-future-defense-equipment-policy/>
8. *Suh J.* Missile Defense and the Security Dilemma: THAAD, Japan's "Proactive Peace," and the Arms Race in Northeast Asia // The Asia Pacific Journal Japan Focus. 2017, No. 5. Vol. 15, Iss. 9. URL: <http://www.apjff.org/2017/09/Suh.html>
9. *Бартенев В. И.* США в поисках новых технологических основ военного превосходства: дилеммы «третьей стратегии компенсации» // Вестник МГИМО-Университета. – 2016. – № 3. – С. 30–42. [*Bartenev V. I.* USA in search of new technological foundations of military superiority: the dilemmas of the «third compensation strategy» // Vestnik MGIMO-University. 2016, No. 3. С. 30–42; *Bartenev V. I.* SShA v poiskah novyh tehnologicheskikh osnov voennogo prevoshodstva: dilemmy «tret'ej strategii kompensacii» // Vestnik MGIMO-Universiteta. 2016, № 3. S. 30–42]. URL: <http://www.vestnik.mgimo.ru/razdely/mirovaya-politika/ssha-v-poiskah-novyh-tehnologicheskikh-osnov-voennogo-prevoshodstva-dilemmy>
10. *Парамонов О. Г.* Выход Японии на мировой рынок вооружений: политический аспект // Японские исследования. – 2016. – № 3. [*Paramonov O. G.* The Output of Japan in the global arms market: the political aspect // Japanese studies. 2016, No. 3; *Paramonov O. G.* Vyhod Japonii na mirovoj rynok vooruzhenij: politicheskij aspekt // Japonskie issledovanija. 2016, №3.] URL: <http://www.ifes-ras.ru/js/1920>
11. *Стрельцов Д. В.* Внешнеполитические приоритеты Японии в Азиатско-Тихоокеанском регионе. – М.: Наука – Восточная литература, 2015. 279 с. [*Strel'tsov D. V.* the Foreign policy priorities of Japan in the Asia-Pacific region. – Moscow: Nauka – Oriental literature, 2015. 279 p.; *Strel'cov D. V.* Vneshnepoliticheskie priorityety Japonii v Aziatsko-Tihookeanskom regione. M.: Nauka – Vostochnaja literatura, 2015. 279 s.]
12. *Стрельцов Д. В.* Качественные сдвиги политики Японии в сфере военной безопасности в 2013 г. // Вестник МГИМО Университета. – 2013. – № 5 (23). – С. 2–31 [*Strel'tsov D. V.* Qualitative policy shifts of Japan in the field of military security in 2013 // Bulletin of MGIMO – University. 2013, № 5 (23). S. 24–31; *Strel'cov D. V.* Kachestvennyye sdvigi politiki Japonii v sfere voennoj bezopasnosti v. 2013 g. // Vestnik MGIMO – Universiteta. 2013, № 5 (23). S. 24–31].
13. *Стрельцов Д. В.* Некоторые приоритеты внешнеполитического курса второго кабинета С. Абэ // Япония в поисках новой глобальной роли. – М.: Наука – Восточная литература, 2014. С. 35–52. [*Strel'tsov D. V.* Some foreign policy priorities of the S. Abe second Cabinet // Japan in search of a new global role. – Moscow: Nauka – Oriental literature, 2014. S. 35–52; *Strel'cov D. V.* Nekotorye priorityety vneshnepoliticheskogo kursa vtorogo kabineta S. Abje // Japonija v poiskah novej global'noj roli. – M.: Nauka – Vostochnaja literatura, 2014. S. 35–52].

O. G. Paramonov

Military-technical cooperation of Japan with foreign countries and the interests of Russia

Oleg Paramonov, PhD in history,
member of the Association of japanologist.
E- mail: paramonov_og@rambler.ru

Summary. Nowadays military-technical cooperation is considered by many states as one of the effective tools for ensuring national security, as well as accomplishing a broader range of foreign policy objectives. Under a crisis of regional security environment, the Japanese government also concluded that further refusal to participate in international cooperation in the development and production of weapons begins to negatively affect its own defense capabilities. Nevertheless, Shinzo Abe-led Government's plans to put an end to Japan's self-isolation from external arms markets and thus strengthen relations with the United States in the military-and political fields are likely to lead to certain problems in Japan's relations with such powerful regional actors as Russia and China .

Keywords. Arms export, Abe's doctrine, missile defense, export control, U.S.-Japan alliance, proactive contribution for peace, new three principles, third offset strategy.